

БА 2174

Б102180

ПАМЯТИ

Іакова Θεодоровича

ГОЛОВАЦКАГО,

Предсѣдателя Виленской Коммисіи для разбора
и изданія древнихъ актовъ.

(Изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей)

ВИЛЬНА.
Губернская Типографія.

1888.

БА 2174

ПАМЯТИ

Іакова Теоодоровича

ГОЛОВАЦКАГО,

Предсѣдателя Виленской Коммисіи для разбора
и изданія древнихъ актовъ.

(Изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей).

ВИЛЬНА.

Губернская Типографія.

1888.

Бел. аддзел
1994 г.

1021
1953 г.

П Т Р М А П

Лавровъ Георгій

ТОПОВАЦКАТО

Дозволено цензурой 10 мая 1888 года. Цензоръ, Протоіерей
Петръ Левицкій.

25. 7. 2009

Іаковъ Ѳеодоровичъ Головацкій.

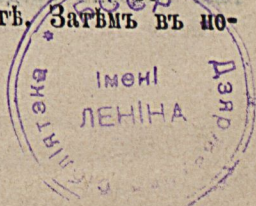
1-го мая, послѣ непродолжительной болѣзни воспаленіемъ легкихъ, скончался въ г. Вильнѣ, на 74 году жизни, знаменитый галицко-русскій дѣятель и патріотъ Яковъ Ѳеодоровичъ Головацкій. Дѣятельность покойнаго Я. Ѳ. такъ многообразна и плодотворна, кончина его такъ неожиданна, что составить въ настоящее время полный и точный біографическій очеркъ его жизни не возможно. Теперь мы можемъ дать только краткія біографическія свѣдѣнія о немъ.

Я. Ѳ. родился въ Галиціи въ с. Ченеляхъ, Золочевского уѣзда, отъ уніятскаго священника Ѳеодора Ивановича и жены его Ѳеклы Васильевны. Первые дни онъ провелъ подъ заботливымъ крылышкомъ своихъ родителей, особенно любящей матери; подъ крышей сельскаго дома онъ слышитъ родную пѣсню, русскую рѣчь; его интересуютъ колыбельныя думки и пѣсенки, рассказы про былое старое время, про Литву и Русь. На 6-мъ году (въ 1820 г.) отецъ отвезъ его въ школу въ Львовъ, гдѣ тогда уже учился старшій братъ покойнаго Николай; но болѣзнь заставила снова взять его въ деревню, въ которой скоро онъ и забылъ о Львовѣ. За то церковно-славянскій букварь, съ его замысловатыми титлами, чтеніе порусски было имъ усвоено хорошо, но писать скорописью не выучился, такъ какъ ни отецъ, ни дѣдечекъ не умѣли писать русскою скорописью. Въ 1823 г. онъ вновь поѣхалъ въ Львовъ и поступилъ во II классъ.

Здѣсь онъ удивилъ директора школы Крамера своимъ пониманіемъ грамматики, такъ что тотъ сказалъ ему: „не даромъ ты называешься Гловацкій, ты машь добре голове до грамматики“. Въ свободное время, особенно по вечерамъ, покойный и товарищи его составляли нѣвческіе кружки и пѣли церковно-славянскія и народныя нѣсни; послѣднія записалъ въ книжку, которая стала первымъ сборникомъ его нѣсенъ. Братъ хорошо учился, были первыми учениками, получали награды книгами и это весьма радовало отца. Яковъ Θεодоровичъ въ то время увлекся греческою и римскою мѣологіей по Куфнеру и читалъ ее съ наслажденіемъ. Въ 1825 г. онъ поступилъ въ I-й классъ 2-й гимназіи. Рядомъ съ успѣхами въ наукахъ, у него развилась ненасытная жажда къ чтенію книгъ; бібліотеки университетская и Оссолинскихъ, книги частныхъ лицъ и товарищей прочитывались имъ; днемъ и ночью читалъ онъ что понало, даже на школьныхъ лекціяхъ книга была съ нимъ. Дѣдъ по матери весьма доволенъ былъ внуками и давалъ имъ предъ отъѣздомъ ст. капикулъ во Львовъ по рублику. На эти деньги были куплены сочиненія Котляревскаго, Державина, Основьяпенко и Я. Θ. увлекся русскою книжкою. Въ тоже время дьячекъ Домбровскій далъ ему безъ начала и конца русскій букварь, гдѣ была напечатана курсивомъ русская азбука, по которой онъ выучился писать по русски. Въ старшихъ классахъ онъ сошелся съ товарищами и студентами университета изъ разныхъ мѣстъ Галичины и Угорьской Руси и съ упоеніемъ слушалъ ихъ рассказы о житіебытьѣ народа, о предапіяхъ старины, вещественныхъ памятникѣхъ, нѣспяхъ и т. п. Съ товарищами поляками Я. Θ. жилъ дружно, подобно и др. русскимъ. Они жили мирно, и подъ вліяніемъ турецкой войны 1828 г. учащаяся молодежь пыталась устраивать въ классахъ штурмъ Варны, причемъ нѣмцы и жида представляли турокъ и были побиваемы. Въ 1829 г., когда императоръ Николай короно-

вался въ Варшавѣ—поляки отъ восторга громко стали заявлять, что кромѣ Познани будутъ отданы Польшѣ Во-лынѣ, Подоліа, Бѣлая и Червоная Русь. Обидно стало русскимъ слушать эти бредни; они отстаивали эти края, спорили съ ляхами и наконецъ порѣшили: не дадимъ вамъ ни одной няди русской земли. „Поки церкви—все наше“. Это произносили юноши съ такою увѣренностью, какъ будто отъ ихъ рѣшенія все зависѣло.

Послѣ гимназій Яковъ Ѳеодоровичъ окончилъ курсъ наукъ въ пештскомъ и львовскомъ университетахъ по философскому и богословскому факультетамъ. На послѣднемъ онъ съ ужасомъ услышалъ кощунственное осмѣяніе съ профессор. каедры св. Евхаристіи восточной церкви, въ которой якобы *diabolus sedet*. Здѣсь же ясно опредѣлилось и сложилось его убѣжденіе и его взгляды на русское дѣло въ Галичинѣ. По окончаніи университета Я. Ѳ. рукоположенъ въ 1843 г. викарнымъ священникомъ Пастынского прихода, съ назначеніемъ законоучителемъ въ мѣстной школѣ. Въ 1847 году получилъ самостоятельный приходъ въ Хмѣлевѣ, а въ 1848 году приглашенъ львовскимъ университетомъ на кафедру галицко-русского языка и литературы. Начиная съ этого времени Я. Ѳ. былъ ревностнымъ самостоятельнымъ дѣятелемъ и членомъ разныхъ комиссій для развитія русскаго языка и правильной постановки преподаванія его въ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи. Такъ, въ 1849 году онъ состоялъ членомъ комиссіи для устройства народныхъ училищъ, комиссіи для перевода гражданскихъ законовъ на русскій языкъ, разсматривалъ различныя русскія книги и учебники, предназначенныя для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Одновременно съ симъ Я. Ѳ. состоялъ преподавателемъ русской словесности въ старшихъ классахъ Львовскихъ академической и второй гимназій. Въ 1850 году Я. Ѳ. удостоенъ за свои ученые труды диплома члена-корреспондента чешскаго общества наукъ въ Прагѣ. Затѣмъ въ по-

слѣдующее время Я. Θ. удостоенъ былъ званія почетнаго члена московскаго общества исторіи и древностей русскіхъ (1866 года), члена Императорскаго географическаго общества въ Петербургѣ, золотой медали Императорскаго географическаго общества, большой серебряной медали этнографическаго общества въ Москвѣ, дѣйствительнаго члена московскаго археологическаго общества, степени доктора новороссійскаго университета, члена общества любителей русской словесности въ Москвѣ, непрѣмннаго члена общества естествознанія, антропологій и этнографіи въ Москвѣ, золотой Уваровской медали за разборъ книги М. Де-Пуле: „Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ 1794—97 г.“, Уваровской преміи въ 500 р. за сочиненіе „Народныя пѣсни галицко-русскаго народа“ и Высочайшей благодарности за поднесеніе Государю Императору той же книги. За свое сочиненіе: „Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ съ картою удостоенъ Высочайшей награды золотымъ перстнемъ съ рубиномъ и брилліантами. Кроме того, Я. Θ. составлена была славяно-русская хрестоматія для высшихъ классовъ галицкихъ гимназій и русско-пѣмекій и пѣмецко-русскій словарь, а равно имъ же выработана галицко-русская терминологія для учебника геометріи. Состоя профессоромъ Львовскаго университета, покойный Я. Θ. неоднократно избираемъ былъ въ должность декана и ректора этого университета, а именно деканомъ филологическаго факультета онъ избранъ былъ на 1857 и 1858 г., и ректоромъ на 186³/₄ годъ.

Съ 1867 г. Яковъ Ѳеодоровичъ перенесъ свою дѣятельность въ Вильну. 22-го декабря по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ былъ предсѣдателемъ Виленской комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, въ каковой должности оставался по день смерти; сверхъ того, съ 1871 года состоялъ предсѣдателемъ временной комиссіи по устрой-

ству Виленской публичной библіотеки и музея, членомъ распорядительнаго комитета западнаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества въ Вильнѣ и членомъ попечительскаго совѣта при учебномъ округѣ. За свои труды и заслуги произведенъ былъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и награжденъ орденами: Станислава 1 ст. и св. Анны 1 ст.

Изъ этого краткаго перечня трудовъ и заслугъ покойнаго Якова Федоровича мы видимъ, какую многообразную и полезную дѣятельность проявлялъ этотъ даровитый русскій человѣкъ на поприщѣ литературы и науки.

Погребеніе Я. Ѳ. Головацкаго.

Смерть Я. Ѳ. произвела глубокое впечатлѣніе среди русскаго общества въ Вильнѣ. Еще на дняхъ многіе были у него и видѣли его у себя съ пріятельствомъ свѣтлаго праздника Воскресенія; о его болѣзни почти не было слышно, — и вдругъ вѣсть о его смерти, а 4-го мая, въ среду, мы опустили въ могилу прахъ знаменитаго патріота и ученаго, сіявшаго на нашемъ горизонтѣ звѣздою первой величины, Якова Ѳеодоровича Головацкаго!... Еще одинъ изъ свѣтильниковъ науки погасъ; но память о немъ не изгладится въ памяти исторіи. Все русское народонаселеніе Вильны присутствовало при погребеніи дорогаго праха. Г. генераль-губернаторъ И. С. Кахановъ, командующій войсками Н. С. Гопецкій, г. начальникъ губерніи А. Н. Гревеницъ съ супругою, г. помощникъ попечителя учебнаго округа А. Л. Кунъ, окружные инспектора, директора и учителя учебныхъ заведеній, начальники частей всѣхъ вѣдомствъ и масса публики почтили своимъ присутствіемъ погребеніе Якова Ѳеодоровича. Высокопреосвященный нашъ Владыка, глубоко уважавшій Я. Ѳ., лично, съ участіемъ соборнаго и городского духовенства, служилъ панихиды на дому, погребальную литургію, отиѣваніе и совершилъ самое погребеніе на православномъ кладбищѣ этого русскаго дѣятеля. Выносъ тѣла въ Николаевскій соборъ совершился во вторникъ, вечеромъ, также въ предшествіи Владыки, духовенства, при участіи выше указанныхъ лицъ и множества народа, при ясной и тихой погодѣ. Пѣніе пѣвчими пасхальнаго канона во время

погребальнаго шествія, производило на участвующихъ трогательно-успокоительное дѣйствіе. На заупокойной литургіи настоятель Пречистенскаго собора, протоіерей Іоаннъ Котовичъ, произнесъ рѣчь, въ которой описалъ заслуги покойнаго и которая печатается ниже.

На отпѣваніи у гроба почившаго была братская хоругвь, которую держали братчики Св.-Духовскаго братства: генералъ-маіоръ П. М. Смысловъ, І. Н. Ливчакъ и Ф. К. Смирновъ. Она же предшествовала гробу и до могилы на кладбищѣ. По выносѣ тѣла изъ собора, печальная процессія, предшествуемая хоругвями и духовенствомъ, останавливалась для краткихъ литій, предъ монастырями—Троицкимъ, гдѣ воспитанники Литовской духовной семинаріи вышли на встрѣчу гроба почившаго и сѣли литію и вѣчную память, и—Святого Духа, гдѣ тоже совершена была краткая литія. Потомъ Высокопреосвященнѣйшій встрѣтилъ тѣло на кладбищѣ и предалъ его землѣ. Послѣ пѣнія „вѣчная память“, надъ отверстіемъ могилы, окруженной вилотную массою народа, произнесъ прекрасную теплую рѣчь землякъ покойнаго, бывшій редакторъ „Львовскаго Слова“, извѣстный борецъ за русское дѣло В. М. Плоцанскій. Онъ отъ имени Червоной Руси благодарилъ здѣшнихъ русскихъ за горячее сочувствіе, оказанное почившему во все время пребыванія его въ Россіи. На гробъ Якова Θεодоровича былъ возложенъ отъ Галичанъ вѣнокъ изъ живыхъ лавровыхъ цвѣтовъ съ надписью на широкой бѣлой лентѣ: „Своему Ломоносову—отъ Червоной Руси“. Такой же вѣнокъ возложили на гробъ сослуживцы покойнаго по комиссіи и музею. Былъ уже 4-й часъ дня, когда гробъ былъ опущенъ въ каменный склепъ. Могила Я. Θε. находится на высокой живописной площадкѣ, съ которой открывается на 20 верстъ прелестный видъ на юго-западъ, на засѣянные поля и лѣсистые холмы. Да будетъ вѣчная память почившему Якову Θεодоровичу!

С Л О В О,

сказанное 4-го сего Мая, во время причастна, на заупокойной литургіи по въ Бозѣ почившемъ Іаковѣ Ѳеодоровичѣ Головацкомъ.

И еще свѣжій гробъ, и еще новая трудновознаградимая потеря! Предъ нами гробница, въ которой мирно почиваютъ бранные останки мужа ясной и опредѣленной идеи, глубокаго знанія, но знавшей устали энергіи,—ревностнаго и благороднаго русскаго борца и патріота. Съ именемъ почившаго неразрывно связывается и воскресаетъ въ памяти незабвенное время возрожденія и упроченія русскихъ началъ народности, вѣры и науки въ отдаленной окраинѣ широкой земли русской—въ Галицкой и Угорьской Руси. Произнесите имя Іакова Ѳеодоровича Головацкаго и вы услышите, что Галицкая Русь неразрывно ставитъ его впереди того славнаго и неутомимаго кружка ученыхъ мужей и мужественныхъ народныхъ дѣятелей, которые обнаружили и обнаруживаютъ завидную кипучую дѣятельность, жертвуя на алтарь отечества свои дарованія, свои знанія и матеріальныя средства, и которые, какъ путеводная звѣзда, указали галицко-русскому народу путь къ самобытному русскому развитію въ области науки и общественной жизни. Съ тѣхъ поръ русская жизнь бьетъ живительнымъ ключомъ въ заграничной русской землѣ, выдерживая съ успѣхомъ борьбу съ сильными враждебными теченіями, спасая русскую народность, языкъ и грековосточный обрядъ въ области

вѣры. Ея сила одинаково слышится и чувствуется какъ въ палатахъ людей знатныхъ и богатыхъ, такъ и въ хижинахъ поселянъ, буди въ нихъ чувства русскаго самосознанія и вызывая ихъ на дѣятельность.

Сознаю, что съ церковной катедры, да еще при такомъ неожиданномъ прощаніи съ почившимъ собратомъ нашимъ, трудно представить сколько нибудь полный обликъ души почившаго и бросить взглядъ на его дѣятельность, какъ это обыкновенно ожидается отъ проповѣдника при такихъ случаяхъ.

Прежде всего почившій былъ сыномъ родной земли. Происходя изъ древняго и почтеннаго рода Головацкихъ *), родившись въ священнической семьѣ, почившій съ юныхъ

*) Родъ Головацкихъ происходилъ изъ м. Николаева, Стрыйскаго уѣзда, пользовавшагося нѣкогда рѣдкимъ преимуществомъ, что въ немъ нельзя было жить жидамъ. Въ родѣ Головацкихъ хранилось преданіе, что одинъ изъ рода ихъ былъ въ войскѣ Богдана Хмѣльницкаго начальникомъ артиллеріи и „ляхамъ сильно допекалъ“. Въ 1648 г. Головацкій бомбандировалъ Львовъ; Головацкій первый принесъ въ Литву призывъ къ освобожденію и составилъ ополченіе около Стародуба; осаждалъ Замостье и взялъ Острогъ на Волини, и былъ посредникомъ между жителями Львова и Хмѣльницкимъ въ полученіи откупа въ 200000 червонцевъ. У бурмистра Николаевского Ивана Головацкаго было 4 сына: Василій, Иванъ, Ѳеодоръ (1782 г.) и Прокопій. Старшій Василій въ 1809 г. переселился въ Россію—въ Подолію, разбогатѣлъ купивъ богатое имѣніе. Иванъ былъ священникомъ; у него родился сынъ Дмитрій, который кончивъ курсъ во Львовскомъ университетѣ занялъ мѣсто священника; онъ отличался силою характера, незыблемостью воли и необыкновенною энергіею; онъ привелъ совершенно разстроенный приходъ и церковь въ порядокъ, смирилъ своего пана патрона Громницкаго, недовольнаго высоко пастырскою дѣятельностью Головацкаго; не допустилъ въ 1840 г. „іезуитской миссіи“ осквернить ввѣренную ему церковь своимъ присутствіемъ, и построилъ въ своемъ селѣ каменный храмъ.

лѣтъ жилъ народною жизнью; народныя думы, пѣсни, сказки и преданія не были отъ него закрыты и клали на впечатлительную душу его неизгладимую печать; рано въ немъ явилась охота и способность къ изученію языковъ и ихъ грамматическихъ тонкостей, и эта охота подѣ влияніемъ дальнѣйшаго образованія обратилась въ сознательное стремленіе и направленіе и принесла обильные плоды въ его ученой дѣятельности. Время его образованія въ высшихъ школахъ было крайне не выгодно для русскаго человѣка; оно, повидимому, не могло обѣщать Я. Θ. того, чѣмъ онъ сталъ. Это было время обильнаго сѣянія тѣхъ плодовъ, какіе дали и вырастили чисто польскіе университеты: Краковскій, Львовскій и Виленскій и Кременецкій лицей; это было время когда о русскомъ языкѣ воспрещалось въ Галиціи писать, когда — кромѣ букварей и молитвенниковъ не печаталось по славянорусски рѣшительно ничего, когда, кромѣ Львовской ставропигіальной типографіи, не было ни въ одной типографіи и буквы кирилловскаго шрифта, когда даже цѣлые года не появлялось изъ печати ни одной книжонки или брошюры на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Но кладъ изъ народной жизни, положенный въ раннихъ лѣтахъ въ основу духовнаго развитія почившаго, сказался неизбежною скалою, стоя на которой онъ вѣрно понималъ и себя и окружающую среду. Съ увлеченіемъ онъ предался изученію народной жизни такъ, какъ она есть въ бытѣ, вѣрованіяхъ, взглядахъ и чаяніяхъ народныхъ; онъ неоднократно пѣшкомъ проходилъ страну изъ конца въ конецъ, записывалъ пѣсни, народныя памятники, названія мѣстности, историческія преданія, провѣрялъ ихъ съ исторіей

Всю жизнь онъ былъ борцемъ за русское дѣло и за права церкви (уніатской). Θεодоръ получивъ надлежащее образованіе, занялъ мѣсто приходскаго священника въ с. Чепеляхъ, Золочевского уѣзда; у него въ 1814 г. родился сынъ Іаковъ, кончину котораго нынѣ мы оплакиваемъ.

края, съ словесными произведеніями и исторіей сосѣднихъ славянскихъ народностей, и въ добытыхъ данныхъ, въ думахъ народныхъ находилъ разрѣшеніе томившихъ его задачъ. Любовь къ русскому народу и его словесному творчеству возгорается въ немъ сильнѣе и ярче; плодомъ такой его дѣятельности въ послѣдствіи явилось богатое 4-хъ-томное собраніе думъ и пѣсень народа Галицкой и Угорской Руси, снабженное ученымъ изслѣдованіемъ о Галицкой Руси.

Окончивъ курсъ ученія въ двухъ университетахъ по философскому и богословскому факультетамъ—онъ первоначально посвятилъ себя настырскому служенію среди того народа, который онъ такъ любилъ, и направилъ свои силы на народное образованіе.—Но свѣтильника не ставятъ подъ спудомъ, а ставятъ на мѣстѣ, откуда онъ можетъ свѣтить всѣмъ *иже въ храмѣхъ сущь*. Такъ было и съ почившимъ. Изъ деревни его вызываютъ въ университетъ и предлагаютъ ему вновь открываемую кафедру русскаго языка и русской литературы, при самыхъ скудныхъ средствахъ вознагражденія за труды и при сильныхъ нравственныхъ затрудненіяхъ, при чемъ правительствомъ не разрѣшено было называть преподаваемый предметъ „русскимъ“, а дано ему названіе „рутенскаго“ языка. „При такихъ обстоятельствахъ, пишетъ почившій, нужно было не мало такта, чтобы удержаться съ достоинствомъ въ продолженіи 19 лѣтъ на университетской кафедрѣ среди коллеговъ поляковъ и пѣмцевъ, на глазахъ правительственныхъ сферъ, и не отказываясь отъ своихъ взглядовъ, удостоиться такого довѣрія и уваженія корпораціи профессоровъ, чтобы быть избраннымъ дважды сряду въ деканы филологическаго факультета, что въ то время было большою рѣдкостью, и даже въ ректоры университета“. Съ профессорскою кафедрою почившаго русскій языкъ и русская литература спасена была отъ позорной и чуждой имъ клики. Пользуясь положеніемъ профессора русскаго языка онъ силою убѣжденнаго и роднаго слова воскрешалъ

въ слушателяхъ любовь ко всему русскому и славянскому, будиль въ нихъ забытое прошлое, спасаль ихъ отъ увлеченій и неправдъ, разсѣваемыхъ полною горестью польскою печатью, громилъ польскую неправду, зорко и во всеоружіи знанія стоялъ совмѣстно съ др. дѣятелями на стражѣ народнаго русскаго движенія и всю жизнь съ замѣчательною неутомимостью и высокимъ достоинствомъ велъ борьбу изъ за св. народныхъ русскихъ началъ, легшихъ въ основу возрожденія Галицкой Руси. Такое неотразимое вліяніе почившаго на русскихъ Галицкой и Угорьской Руси открыто здѣсь въ Вильнѣ призналъ и засвидѣтельствовалъ извѣстный народный дѣятель прот. Наумовичъ; о томъ же неумолкаемо свидѣтельствуетъ галицко - русская печать. Ревностный патріотъ и ученый не ограничилъ своей дѣятельности рамками профессорской катедры. Онъ сталъ усердно проповѣдывать и работать надъ освобожденіемъ русской учащейся молодежи отъ пользованія учебными пособиями и руководствами на польскомъ и иностранныхъ языкахъ, и надъ составленіемъ учебниковъ русскихъ съ русскою терминологіей. Не смотря на препятствія и отъ поvizны дѣла и отъ враждебныхъ вліяній—его стремленія увѣнчались въ концѣ успѣхомъ. Вызванные къ сознательной духовной жизни, наши братья русскіе галичане вступаютъ на новый путь общественнаго положенія, среди борьбы и препятствій, о коихъ мы часто и понятія не имѣемъ, завоевываютъ извѣстное положеніе въ государственной жизни, и идутъ неудержимо къ большому и большому духовному сближенію и единенію съ великой семьей русскаго народа. Этотъ замѣчательный фактъ изъ исторіи русскаго народа возбудилъ особенно въ послѣдніе годы въ политикѣ подозрѣнія и опасенія, а въ средѣ поляковъ вызвалъ ожесточенную борьбу; признано необходимымъ поставить руками іезуитовъ и воскресенцевъ преграды народному русскому движенію, замедлить и ослабить теченіе и дѣйствіе народ-

ной и церковной жизни, и вызвать, въ средѣ же русскихъ взаимную борьбу изъ за русскаго языка и литературы, дабы разъединить ихъ отъ великорусскаго народа, его языка и литературы. Почившій глубоко скорбѣлъ и называлъ послѣднее явленіе дѣтскою страстью, — все разорять и ничего не создавать. И будучи еще во Львовѣ и живя уже здѣсь въ Вильнѣ онъ стоялъ за единый общелитературный языкъ великорусскій не только у русскихъ Галицкой и Угорской Руси, но и у всѣхъ славянъ, чуждый въ то же время отъ посягательства на права народной живой рѣчи въ жизни и литературѣ мѣстной страны. Изучивъ богатство и красоту великорусскаго литературнаго слова Яковъ Ѳеодоровичъ еще въ прошломъ году обращался къ галицко-русской печати съ приглашеніемъ освободиться отъ ига польскихъ и латинско-нѣмецкихъ фразъ и реченій и замѣнить ихъ равнозначущими русскими совершенно понятными для народа, сродными ему и пріятными для слуха, въ подтвержденіе чего онъ представилъ цѣлый перечень чуждыхъ русскому языку и удобозамѣнимыхъ словъ. Почившій замѣчательно былъ отзывчивъ на тѣ вопросы и мнѣнія, какія возникали въ области славяно-русской филологіи, исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и т. п., ясно опредѣлялъ сущность и цѣль ихъ возникновенія и изъ богатаго запаса своихъ знаній и изслѣдованій давалъ освѣщеніе этихъ вопросовъ и этихъ мнѣній.

Развитіе въ немъ славянскихъ симпатій было выдающеюся также особенностію дѣятельности почившаго. Владѣя славянскими нарѣчіями, извѣдавъ славянскія страны неоднократно своими путешествіями; входя въ живое духовное общеніе съ представителями славянства, ознакомившись съ духомъ и направленіемъ жизни славянъ, почившій спокойно унесъ съ собою въ могилу твердое убѣжденіе въ свѣтлое будущее славянства, въ его единеніе и свободу, не смотря на тѣ тучи вражды и недоразумѣній, какія облегаютъ по временамъ славянскій міръ. Вѣрный этой идеѣ онъ много

потрудился для славянства, для ближайшаго съ нимъ ознакомленія, для распространенія о славянскихъ странахъ вѣрныхъ понятій, и плодомъ этой долготѣйшей и кропотливой работы явился нѣсколько лѣтъ тому назадъ *„Географическій Словарь западно славянскихъ и югославянскихъ земель“*, изъ котораго русскій славянинъ съ перваго взгляда узнаетъ своихъ родныхъ, и отчужденная на картахъ нѣмецкими, мадьярскими и турецкими словами страна, предстанетъ русскому уму не менѣе родной, чѣмъ любая страна въ Россіи среди сплошнаго русскаго народа.

Открыто исповѣдуемый имъ русскій патриотизмъ и любовь къ православной церкви, особенно послѣ славянскаго въ Москвѣ сѣзда, возбудили противъ него преслѣдованія австрійскихъ властей и почившій Яковъ Θεодоровичъ, уступая силѣ, долженъ былъ оставить любимую страну и удалиться туда, куда еще съ раннихъ лѣтъ, по его словамъ, стремились его завѣтныя думы, какъ бы предчувствуя свою судьбу. По волѣ почившаго Монарха ему указана сродная его духу дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя здѣшней Виленской Коммисіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, и—временной коммисіи по устройству здѣшняго богатаго книгохранилища и при ономъ музея. Почившій много и съ достоинствомъ потрудился на этомъ поприщѣ, видѣлъ успѣхъ своихъ трудовъ и добытыми данными восполнялъ пробѣлы въ исторіи родной Галичины и нашего края.

Въ послѣднее время Яковъ Θεодоровичъ точно помолодѣлъ,—съ юношескимъ увлеченіемъ онъ изготавлялъ новыя и новыя ученые статьи, помѣщая ихъ то въ галицкихъ изданіяхъ, то печатая ихъ отдѣльными книгами. Онъ какъ будто не замѣчалъ, что лѣта положили на маститомъ обликѣ его свою печать;—его все интересовало въ сродной ему научной области, онъ все утѣшалъ себя надеждою разработать и разъяснить тѣ или др. явленія въ области русской исторіи и русскаго быта. Но неожиданная смерть призвала

къ безмятежному отдыху этого энергическаго дѣятеля и положила конецъ его дѣятельности.

Славянорусскій ученый міръ глубоко уважалъ заслуги Якова Ѳеодоровича и считалъ за честь имѣть его своимъ членомъ и сотрудникомъ; — покойный былъ членомъ многихъ ученыхъ учрежденій и обществъ — славянскихъ и русскихъ; принималъ живое участіе на съѣздахъ сихъ обществъ; не чуждался онъ и общественной дѣятельности: братская хоругвь при его гробѣ свидѣлствуетъ о немъ какъ членѣ нашего православнаго Св.-Дух. братства. Заслуги почившаго Якова Ѳеодоровича для науки оцѣнены и съ высоты Монаршаго престола, о чемъ свидѣлствуютъ эти знаки отличія у его гроба; почившій глубоко цѣнилъ царскіи милости, и преданность своему Благодѣтелю Монарху онъ выражалъ и на словахъ и на дѣлѣ въ строгомъ и точномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей.

Такъ, Яковъ Ѳеодоровичъ окончилъ свое земное многотрудное поприще! Великое горе постигло осиротѣлую семью и его здѣшнихъ друзей и почитателей; не меньшее же горе поразило его родную страну, и печальнымъ отголоскомъ пронесется оно по всей Россіи. Смерть его такъ для насъ неожиданна, что трудно съ нею свыкнуться. Но судьбы Вожіи не исповѣдимы! Да будетъ же благословенно изъ рода въ родъ имя этого труженника и русскаго патріота! Да будетъ благословенъ тотъ родъ и та страна, кои даютъ такихъ убѣжденныхъ, благородныхъ и неутомимыхъ борцовъ и дѣятелей! Да будетъ память почившаго съ похвалами и да упокоитъ Отецъ щедротъ душу почившаго нашего дорогаго собрата Якова Ѳеодоровича въ общеніи съ Праведниками, а насъ укрѣпитъ въ вѣрности тѣмъ началамъ исторической жизни, въ подражаніи труду и любви къ своей родинѣ, какія отличали почившаго въ теченіи его земной жизни

Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

и, прости, отъясняющаго этого, дѣла, монхъ, и т. д.

Прощальная рѣчь В. М. Площанскаго.

Ваше Высокопреосвященство! Милостивые отцы, государи и государыни!

Позвольте галичанину надъ свѣжей могилой своего дорогаго земляка выразить немногими словами волнующія душу его чувства. Случилось нѣчто неимовѣрное: нѣтъ уже Головацкаго между нами! Паль борець за славу и честь русскаго имени; сошелъ съ поприща дѣятель неутомимый, беззавѣтный труженникъ, всегда бодрый и всегда готовый служить Руси и святой церкви; палъ поборникъ братскаго единенія съ святой Матерью—Русью; пала гордость галицкой страны, палъ любимецъ и учитель своей родины. Государь лишился вѣрнаго слуги, подчиненные потеряли снисходительнаго начальника; жена оплакиваетъ нѣжнаго мужа, дѣти любящаго отца, нуждающіеся добраго совѣтника и благодѣтеля. Не стало ревностнаго члена обществъ и братствъ, словомъ: не стало человѣка-праведника!

Какая утрата, какое горе!

Особенною скорбью о потерѣ своего сына пораженъ родной намъ Галичь. Тамъ искони идетъ ожесточенная борьба за существованіе русской народности. Въ этой неравной борьбѣ съ противниками принималъ дѣятельное участіе нашъ Яковъ Оеодоровичъ, и какъ даровитые генералы воюющей арміи находятъ случай отличиться въ сраженіяхъ, такъ и онъ въ борьбѣ за свѣтлыя права своей Руси сталъ однимъ изъ самыхъ видныхъ вождей своего народа. Неудивительно

поэтому, что вся адская злоба противниковъ Руси была обращена тогда противъ него, и онъ, притѣсненный до крайности, былъ вынужденъ, наконецъ, уступить грубой силѣ и переселиться въ гостепріимную Россію, гдѣ, по Высочайшей милости русскаго Императора, въ Вильнѣ нашелъ не только пріютъ для себя и своего семейства, но и соотвѣтственное поприще для дальнѣйшей полезной своей дѣятельности, равно какъ и матеріальныя средства и почести, вознаградившія его за заслуги и прежнія лишенія на родинѣ. Тутъ онъ встрѣтилъ и любовь, и признательность дорогихъ русскихъ братьевъ, нагляднымъ доказательствомъ чего, между прочимъ, служить сегодня печальный обрядъ погребенія бранныхъ его останковъ.

И въ этомъ городѣ проживая, онъ не переставалъ поддерживать галицкую Русь въ ея борьбѣ съ противными стихіями: издали посылалъ онъ ей въ помощь иѣткія стрѣлы, которыя поражали противниковъ весьма удачно и чувствительно. Оружіе его—это неоспоримая историческая правда, съ трудомъ добытая изъ пыли архивовъ; этимъ оружіемъ онъ убивалъ распространяемую неправду. Онъ тщательно выписывалъ изъ древнихъ актовъ все имѣющее связь съ нашимъ краемъ, и сообщалъ все, что могло намъ послужить въ защиту и разоблаченіе невѣрныхъ толковъ, а мы, получая иногда цѣлыя тетради его рукописей для помѣщенія въ нашихъ изданіяхъ, удивлялись трудолюбію старика, его бодрости и вѣчной свѣжести его ума. Онъ ознакомлялъ также здѣшнюю Русь съ судьбами и положеніемъ своей галицкой страны и будилъ для нея сочувствіе здѣшнихъ патріотовъ и дѣятелей. На археологическій сѣздъ въ Кіевѣ, 1874 г., онъ прибылъ съ обширною рукописью, въ которой онъ неоспоримыми данными доказывалъ, какъ съ теченіемъ времени русскій Галичъ постепенно отчуждался отъ своей вѣры и народности. По поводу этого труда

противная намъ печать, какъ понятно, подняла тогда страшный шумъ.

Какъ на родинѣ, такъ и тутъ служилъ онъ намъ прекраснымъ примѣромъ беззавѣтной любви къ отечеству: онъ ободрялъ, онъ одушевлялъ насъ до послѣднихъ дней своей жизни, и ему то мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣми успѣхами, какіе обнаруживаетъ исторія нашей Руси за послѣднее время. На скрыжаляхъ галицкой исторіи имя Головацкаго будетъ начертано золотыми буквами.

Вотъ что побудило меня, только что прибывшаго въ Вильну, въ вашу среду, возвысить свой голосъ при преданіи землѣ дорогого намъ праха Якова Θεодоровича! Слѣдуя дальше своимъ чувствамъ, я спѣшу выразить душевную благодарность отъ себя и отъ имени опечаленной его родины Вашему Высокопреосвященству, высокому Начальству края и всѣмъ глубокочтимымъ его друзьямъ и почитателямъ, вообще—всему русскому обществу за оказанныя ему вниманіе и уваженіе, какъ при жизни, такъ и при преданіи останковъ его матери-землѣ. Да вознаградитъ васъ Богъ сторицею за любовь и оказанную великую честь покойному нашему земляку!

А теперь прощай, любезный нашъ учитель и патріотъ! Память твоя будетъ жить на родинѣ, пока жива тамъ Русь! Моли Бога о несчастной своей странѣ, да проявитъ Онъ милость Свою надъ нею! Миръ праху твоему, дорогой землякъ! Прощай!

Голосъ галичанина по случаю смерти Я. Ө. Головацкаго.

Такъ не стало нашего Головацкаго... Двѣ недѣли тому назадъ, онъ писалъ въ Петербургъ земляку и бывшему своему ученику, назначенному продолжать службу русскому дѣлу на литовской Руси: „Вы будете жить у насъ въ Вильнѣ; я очень радъ, что мои желанія исполнились: вы будете *вмѣстѣ съ нами работать* въ архивѣ. Поздравляю васъ и семейство ваше съ новымъ назначеніемъ и Царскою милостью и желаю вамъ тихо, спокойно и безбѣдно пожить въ добромъ здоровьѣ... Вамъ слѣдуетъ поторопиться...“

Землякъ Якова Өеодоровича поторошился, но не на то, къ сожалѣнію, чтобы *вмѣстѣ съ нимъ работать*...

Неисповѣдимы судьбы Божіи!

Яковъ Өеодоровичъ заболѣлъ въ среду, какъ утверждали, лихорадкой: „Это болѣзнь, которая періодически навѣщаетъ маститаго старика на весну и осень, но онъ вскорѣ оправится“, говорили. Такъ думалъ и больной. Еще наканунѣ смерти высказалъ онъ посѣтившему его земляку намѣреніе явиться въ понедѣльникъ въ комиссію, для личнаго ознакомленія повоприбывшаго съ ходомъ дѣлъ. Между тѣмъ, слѣдующаго дня нашъ дорогой Яковъ Өеодоровичъ не былъ уже въ живыхъ. Лихорадка оказалась на сей разъ роковою для него.

Вѣсть о неожиданной смерти Я. Ө. Головацкаго не мало поразила здѣшнюю Русь, она отзовется печальнымъ отголоскомъ на всей Руси,—особенно же на несчастной его родинѣ, которую онъ съ ранней своей молодости будилъ къ народной жизни, для которой онъ много трудился и пострадалъ, которую, какъ вѣрный и любящій сынъ, поддерживалъ литературными своими трудами до послѣднихъ

дней своей многодѣтельной жизни. Еще за нѣсколько дней до своей кончины онъ выслалъ въ редакцію литературнаго сборника „Матицы“ во Львовѣ весьма цѣнную рукопись о первыхъ галицкихъ епископахъ, составленную на основаніи открытыхъ въ виленскомъ центральномъ архивѣ документовъ.

Трудясь въ досужное время въ пользу литературнаго движенія на галицкой Руси, онъ желалъ, хотя отчасти, пополнить ту убыль, какая очутилась на родинѣ, когда онъ, вслѣдствіе гоненій губернатора Голуховскаго за русскій патріотизмъ, былъ принужденъ искать пріюта для себя и семейства, точно 20 лѣтъ тому назадъ, въ другой странѣ Руси, находящейся подъ счастливымъ владѣніемъ великаго русскаго Монарха. Благодарный и преданный всею душою своему русскому Государю и великой русской землѣ, онъ не забывалъ вмѣстѣ и о своей галицкой странѣ, которая, узнавъ о потерѣ, не замедлила выразить свою горестъ и доказать русскому міру, какъ дорогъ былъ ей Яковъ Ѳеодоровичъ Головацкій.

Не касаясь извѣстныхъ подробностей изъ многодѣльной и многополезной 74-лѣтней жизни Якова Ѳеодоровича, только что надняхъ скончавшагося, пишуцій эти строки радъ бы слабымъ перомъ воздать отъ себя и своихъ должную честь памяти покойнаго земляка и многолѣтняго вѣрнаго своего друга, которому со слезами на глазахъ, вмѣстѣ съ здѣшними его почитателями и друзьями, выражаетъ на прощаніе послѣднее желаніе: вѣчная память!

Засѣданіе Совѣта Виленскаго православнаго Свято-
Духовскаго братства 16 мая 1888 г.

Въ настоящій разъ совѣтъ братства, сверхъ обычныхъ своихъ занятій, посвятилъ начало оныхъ памяти въ Бозѣ почившаго 1-го сего мая своего сочлена Іакова Ѳеодоровича Головацкаго. Извѣстно читателямъ, что смерть почившаго вызвала общее сочувствіе и соболѣзнованіе въ сердцахъ истинно-русскихъ людей и не только здѣсь въ Вильнѣ и на родинѣ почившаго, но и во всей Россіи. Доказательствомъ тому служатъ множество сочувственныхъ телеграммъ и писемъ полученныхъ семействомъ покойнаго и близкими къ нему лицами. Совѣтъ братства въ полномъ своемъ составѣ, слѣдуя установившемуся обычаю, первое свое засѣданіе послѣ кончины Я. Ѳ. открылъ молитвою объ упокоеніи души почившаго. Съ благословенія предсѣдателя совѣта братства, Преосвященнѣйшаго епископа Антонина, о. казначей братства протоіерей Петръ Левицкій совершилъ заупокойную литію объ усопшемъ членѣ братства бояринѣ Іаковѣ съ провозглашеніемъ ему вѣчной памяти. Литію пѣли всѣ присутствующіе въ совѣтѣ. Эта заупокойная молитва производила на душу трогательно-успокоительное дѣйствіе; она свидѣтельствовала, что нравственная связь живыхъ съ почившимъ не прекратилась, что имя Я. Ѳ. сохранится въ братствѣ и будетъ внесено въ братскій поминаникъ для всегдашняго поминовенія.

Послѣ литіи, когда присутствующіе заняли свои мѣста, членъ совѣта братства протоіерей Іоаннъ Котовичъ прочелъ сообщеніе о Я. Ѳ., касающееся послѣдняго періода жизни его учено-литературной дѣятельности. По прочтеніи сообщенія, совѣтъ выразилъ непремѣнное желаніе видѣть это сообщеніе напечатаннымъ въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Сообщеніе о въ Бозѣ почившемъ Членѣ Совѣта Виленскаго Свято-Духовскаго Братства Іаковѣ Ѳеодоровичѣ Головацкомъ, сказанное въ засѣданіи Совѣта 16 мая 1888 года.

Свѣдѣнія, которыми я желаю подѣлиться съ досточтимыми членами совѣта братства, будутъ касаться перехода бывшаго нашего сочлена Я. Ѳ. Головацкаго на службу въ Россію, въ западный край. Извѣстно, что покойный до пріѣзда въ Вильну всю жизнь провелъ въ Галицкой Руси; всѣ свои силы и дарованія онъ посвятилъ этой странѣ. Здѣсь онъ воздвигъ себѣ самый прочный памятникъ тѣмъ, что 50 л. тому назадъ вмѣстѣ съ Шашкевичемъ и Вигилевичемъ воскресилъ русско-народную жизнь, пробудилъ ее отъ 500 лѣтняго усыпленія, въ которое она погружена была вслѣдствіе утраты самостоятельности и возобладанія надъ нею иноплеменной матеріальной и моральной силы. Въ этотъ періодъ времени вообще міръ славянскій вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ пришелъ въ движеніе: самосознаніе начало озарять умы славянъ; воскресла память объ историческомъ прошломъ, явилась строгая оцѣнка настоящаго. 1848 г. въ Чешской Прагѣ собрался славянскій съѣздъ, на которомъ русскихъ почти не было, для взаимнаго общенія и знакомства. Но цѣль съѣзда не была достигнута; розни въ нарѣчіяхъ и стремленіяхъ славянъ, особенно поляковъ, сказались очень рѣзко; у нихъ не было одного славянскаго языка, на которомъ бы представители славянства могли обмѣняться своими заветными мыслями и должны были прибѣгнуть къ помощи языка нѣмецкаго. Но неудача послужила на пользу; взоры славянъ болѣе чѣмъ когда либо обратились къ Россіи. И въ этомъ направленіи болѣе всего поработали ученые въ Галицкой Руси, въ томъ числѣ и Я. Ѳ. Головацкій. Съ профессорской кафедры онъ проповѣдывалъ о необходимости единаго общеславянскаго литера-

турнаго языка и признавалъ для сего болѣе цѣлесообразнымъ и полезнымъ богатѣйшій славянскій языкъ русскій. Такая проповѣдь враждебно была встрѣчена поляками; въ противодѣйствіе сему они выдвинули такъ называемое литературное „украинофильство“, которое, благодаря богатой матеріальной помощи, пріобрѣло поклонниковъ. Я. О. зналъ, откуда идетъ этотъ литературный сепаратизмъ и съ полною откровенностью и силою своего слова и знанія обличалъ это уродливое на русской почвѣ явленіе. Враждебная партія воздвигла противъ него гоненія; ей необходимо было удалить Я. О. отъ профессорской кѣредры, лишивъ его этимъ самаго могущественнаго средства свободно и гласно защищать и проводить свои начала. Предлогомъ къ устраненію Я. О. отъ университетской кѣредры было участіе его вмѣстѣ съ др. австрійскими славянами, кромѣ поляковъ, въ Славянской Этнографической выставкѣ въ Москвѣ въ 1867 г. Пробывъ мѣсяць въ Россіи славянскіе гости, въ томъ числѣ и Я. О., почувствовали всю силу и богатство русскаго народнаго генія, его могучаго духовнаго и вещественнаго творчества. Въ Москвѣ, послѣ университетскаго акта, Я. О. въ трогательной рѣчи изложилъ, что онъ не знаетъ, какъ и выразить счастье, которое доставляется ему настоящею возможностью сказать въ средоточіи русской земли слово роднымъ русскимъ братьямъ на родномъ русскомъ языкѣ. Рѣчь оратора прерывалась отъ волненія, прерываема была и восторженными рукоплесканіями. Всѣ славянскіе гости старались, какъ могли, объясняться по русски, считая преступнымъ говорить „въ св. Москвѣ“ на иномъ языкѣ. Для будущаго это явленіе знаменательно. Не смотря на то, что рѣчи и поведеніе славянскихъ гостей были совершенно чужды политической окраски, поляки по отношенію къ Я. О. подняли большую тревогу; они стали кричать, что подозрѣнія ихъ касательно Я. О. въ „Москвофильствѣ“ имѣютъ свое основаніе и вполнѣ оправдываются, и не усиѣлъ еще Я. О. воз-

вернуться на родину, какъ участь его была рѣшена. Намѣстникъ Галиціи, полякъ гр. Голуховскій, подѣ предлогомъ произведенныхъ въ домѣ Я. О. обысковъ, устранилъ его отъ кафедры профессора въ Львовскомъ университетѣ, безъ суда и слѣдствія. Положеніе Я. О. какъ ученаго, гражданина и семьянина стало затруднительнымъ. Но смотря на то, что онъ возбудилъ противъ Голуховскаго судебный искъ и надѣялся оправдаться отъ вводимыхъ на него обвиненій, — онъ чувствовалъ, что враги его не оставятъ его въ покоѣ и будутъ вредить ему.

Но оказалось, что сближеніе и знакомство Я. О. съ Россією и русскими людьми — государственными и общественными дѣятелями — послужили ему во благо. Я. О. получилъ призывъ переселиться на службу въ Россію. Мысль о назначеніи Я. О. Головацкаго председателемъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ принадлежить его сіятельству гр. Д. А. Толстому и вызвана была положеніемъ Я. О. послѣ пріѣзда его на славянскій съѣздъ въ Москву. „Извѣстный славянскій ученый, писалъ б. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Димитрій Андреевичъ Толстой, къ быв. Почетителю округа д. с. с. Ивану Петровичу Корнилову 22 іюля 1867 г., профессоръ Львовскаго университета Я. О. Головацкій, находившійся въ числѣ славянъ, посѣдившихъ въ нынѣшнемъ году этнографическую выставку въ Москвѣ, удаленъ, по распоряженію Австрійскаго правительства, отъ должности, и лишился тѣмъ самымъ всѣхъ средствъ къ существованію. Это удаленіе Головацкаго отъ должности главнымъ образомъ должно быть приписано извѣстной его приверженности къ Россіи. Уже по одному этому, независимо отъ ученыхъ заслугъ этого почтеннаго дѣятеля, желательно было бы подать Головацкому руку помощи“. Его сіятельство просилъ г. почетителя увѣдомить его: не окажется ли возможнымъ предоставить Я. О. Головацкому мѣсто председателя Виленской комиссіи для

разбора и изданія древнихъ актовъ на открывшееся свободное мѣсто послѣ перемѣщенія Везсонова въ Москву.

Иванъ Петровичъ Корниловъ въ отвѣтномъ письмѣ отъ 27 іюня призналъ чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ для Сѣверо-Западнаго края это назначеніе Головацкаго. Причемъ указалъ, что „возникающее здѣсь ученое и литературное движеніе нуждается въ опытныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ Россіи руководителяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Головацкій, извѣстный своими учеными трудами, и будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на предпріятыя въ послѣднее время въ Вильнѣ, Несвижѣ, Витебскѣ и др. мѣстахъ Сѣверо-Западнаго края историческіе и археологическіе изысканія и, конечно, для пользы русскаго дѣла и для успѣха науки, необходимо воспользоваться счастливою возможностью привлечь въ Виленскій учебный округъ достойнѣйшаго славянскаго ученаго и довѣрить ему завѣдываніе учеными работами въ Виленской Комиссіи“.

Содержаніе предсѣдателя было въ то время 2000 руб. безъ квартиры, и назначеніе на эту должность зависѣло отъ генералъ-губернатора. Въ виду сего г. попечитель просилъ его сіятельство сдѣлать сообщеніе съ генералъ-губернаторомъ, а въ виду потери Головацкимъ каеедры въ Львовскомъ университетѣ и его многосемейности выдать ему пособіе и двойные прогоны.

Послѣ сего г. министръ народнаго просвѣщенія 15 іюля 1867 г. писалъ къ Якову Θεодоровичу Головацкому письмо слѣд. содержанія: „Узнавъ частнымъ образомъ, что ты, можешь быть, согласился бы посвятить дальнѣйшую вашу ученую дѣятельность Россіи, я пришелъ къ убѣжденію, что весьма желательно бы было назначить васъ предсѣдателемъ Виленской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной нашимъ правительствомъ при управленіи тамошняго учебнаго округа. Комиссія эта имѣетъ цѣлью отыскивать въ разныхъ правительственныхъ, церковныхъ, монастырскихъ

и частныхъ архивахъ и издавать потомъ въ свѣтъ древніе акты, важныя въ историческомъ отношеніи и могущіе служить для разъясненій отношеній Россіи къ Царству Польскому и къ прежней Литвѣ. Предсѣдатель получаетъ 2000 р., имѣетъ обязанность самъ участвовать въ занятіяхъ оной и руководить работами членовъ. Сообщая о такомъ моемъ предположеніи, я считаю долгомъ заявить, что мнѣ было бы весьма пріятно, если бы вы сочли для себя возможнымъ и выгоднымъ принять эту должность, на которой вы, безъ сомнѣнія, своею просвѣщенною дѣятельностью могли бы принести много пользы дѣлу науки“.

Но имя Якова Θεодоровича было настолько извѣстно ученому русскому міру, и сочувствіе послѣдняго къ нему было такъ велико, что во время этой перениски въ половинѣ іюля попечитель Варшавскаго учебнаго округа пригласилъ Я. Θ. занять кафедру въ главной Варшавской школѣ съ содержаніемъ въ 3000 руб. Въ виду этого необходимо было или увеличить содержаніе предсѣдателя Виленской Комиссіи до этой нормы, или же должность предсѣдателя соединить съ др. должностью, содержаніе которой усиливало бы содержаніе предсѣдателя до 3000 р. Но такъ какъ послѣднее исходило отъ генералъ-губернатора, то г. попечитель Иванъ Петровичъ Корниловъ, пиша о томъ къ графу Баранову 6-го сентября, добавляетъ: „что съ настоящаго года усилилась серьезная учено-литературная дѣятельность, направленная на собираніе, изученіе и изданіе памятниковъ мѣстной славяно-русской старины, а также на труды по мѣстной филологіи. Къ сожалѣнію, эти работы производятся людьми хотя усердными и преданными дѣлу, но молодыми и неопытными. Эта впервые возникающая здѣсь русская умственная дѣятельность, нуждается для зрѣлости и основательности своей въ надежномъ и авторитетномъ руководителѣ, способномъ удерживать отъ ошибокъ и увлеченій и давать умственнымъ работамъ истинно полезное

направленіе. Г. Головацкій извѣстенъ въ ученomъ мѣрѣ какъ отличнѣйшій специалистъ по русскимъ древностямъ и филологіи, а потому приглашеніе въ Вильну человека, которымъ можетъ гордиться всякій университетъ, который по благонамѣренности, благодушному характеру своему и преданности русскому дѣлу—пользуется общимъ уваженіемъ въ нашемъ отечествѣ,—будетъ истиннымъ добромъ для Сѣв.-Западнаго края, будетъ сочувственно принято всеми русскими, которымъ извѣстно, что г. Головацкій безвинно пострадалъ за его любовь къ Россіи и который поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія“. Письмо И. П. Корнилова оканчивается ходатайствомъ предъ графомъ Варановымъ о дарованіи возможности пригласить Головацкаго въ Вильну для службы русскому дѣлу въ области нравственной и умственной дѣятельности. „Учебный округъ нуждается въ ученыхъ силахъ для того, чтобы съ достоинствомъ и усѣхомъ вести борьбу съ враждебными нашему государству началами“.

Спустя мѣсяць послѣ этой переписки, общавшей благоприятный исходъ дѣла, г. попечителемъ округа была получена отъ 4 октября телеграмма отъ проф. Новороссійскаго университета Григоровича слѣд. содержанія: „Новороссійскій университетъ, возведя Я. О. Головацкаго въ докторы, избралъ ординарнымъ профессоромъ русской словесности. Извѣстите его“. Не нужно говорить, что эта телеграмма вызвала безпокойство и сожалѣніе о томъ, что учебн. округъ можетъ лишиться ученаго дѣятеля, въ которомъ онъ нуждался. „Придется, пишетъ г. попечитель, какъ и доселѣ продолжать ученныя работы и предпринимать новыя, перво-степенной важности изслѣдованія домашними средствами, безъ надежныхъ и опытныхъ руководителей“. — „Мы нуждаемся, писалъ Ив. Петр. Корниловъ къ Я. О. Головацкому, въ опытныхъ дѣятеляхъ для разнообразныхъ историческихъ, этнографическихъ и политико-экономическихъ работъ. Къ польской литературѣ тенденціозной и односторонней мы

должны относиться недовѣрчиво; притомъ, она служила преимущественно и даже почти исключительно завѣтной политической идеѣ своей, и ни на что другое не обращала спокойнаго, глубокаго и сосредоточеннаго вниманія; она богата только политическими и мистическими бреднями: Духинскихъ, Мицкевичей, Товянскихъ, Мѣроslавскихъ и др., но въ ней нѣтъ отвѣтовъ на живые, современные, политико-экономическіе вопросы. Съ кѣмъ мы будемъ работать, когда вы отъ насъ уйдете, добрый Я. О.; почтенные и взыскательные наши соотечественники справедливо иногда нами не довольны; они требуютъ отъ насъ мудрости, безопытности, знанія края, а между тѣмъ мало помогаютъ намъ дѣломъ. Впрочемъ и то хорошо, что они бранятъ насъ; ихъ голоса доказываютъ, что общество русское внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла въ Сѣв.-Зап. краѣ. Какъ ни досадно, что они иногда напрасно насъ журятъ, тѣмъ не менѣе сердитыя ихъ перья ободряютъ насъ. Было бы несравненно хуже для дѣла, если бы вся Россія безучастно молчала и предоставляла бы намъ работать какъ угодно“.

Между тѣмъ дѣло о назначеніи Я. О. въ Вильну двигалось; это движеніе вызывалось и необходимостью. Крайняя медленность археографическихъ изданій Виленьской комиссіи была очевидна; эта медленность зависѣла отъ того, а) что въ личномъ составѣ оной комиссіи всѣ члены занимали другія должности, обременены были др. обязанностями и не было ни одного члена, который бы исключительно могъ посвящать себя археографич. работамъ; б) что изъ 6000 руб., отпускаемыхъ ежегодно на содержаніе комиссіи, 4700 руб. шло на жалованье предсѣдателя и трехъ членовъ, 300 р. на писцовъ и собственно 1000 р. на изданіе трудовъ. Въ виду сего признано было необходимымъ: 1) приискать на должность предсѣдателя ученаго, который бы могъ безъ отвлеченія, посвятить себя единственно только археографическому труду и 2) не выходить изъ нормы 6000 руб. —

назначить жалованья председателю до 2500 р., а 400 р. отдѣлить на изданіе трудовъ комиссіи; а для достиженія сего уменьшить число членовъ комиссіи однимъ лицомъ. Такъ какъ изъ членовъ комиссіи болѣе др. оказался обремененнымъ сторонними важными обязанностями и менѣе посвящавшимъ свои труды изданіямъ комиссіи священникъ Антоній Пщолко, то онъ и вышелъ изъ состава комиссіи. Въ виду того, что подобный переворотъ въ составѣ комиссіи произошелъ отъ предполагавшагося назначенія въ оную Я. О. Головацкаго, сваящ. Антоній Пщолко выразилъ при этомъ г. попечителю округа свое мнѣніе, что назначеніе въ зап. край, гдѣ вовсе нѣтъ уни, униатскаго каноника съ подчиненіемъ его р.-католич. духовному начальству, можетъ поставить г. Головацкаго въ неловкое положеніе. Преосвященный викарій, еп. Ковенскій Александръ, поддерживая это мнѣніе, выразилъ г. попечителю, что и митрон. Іосифъ думаетъ, что Я. О-чу, для службы въ Зап. край, было бы удобнѣе возсоединиться съ православіемъ. Но это замѣчаніе было сдѣлано позднимъ числомъ, такъ какъ Я. О. уже раньше высказалъ желаніе, съ переходомъ въ Россію, присоединиться къ православной церкви. Онъ только желалъ устроить окончательно свои дѣла въ Львовѣ, собрать вокругъ себя свое семейство и успокоиться нѣсколько отъ тѣхъ трудовъ, непріятностей и лишеній, какія онъ пережилъ въ тревожные для него послѣдніе мѣсяцы. 22 декабря онъ назначенъ въ Вильну, при чемъ по Высочайшему повѣленію ему увеличено содержаніе добавкою 1000 р. Увѣдомляя о томъ Я. О-ча, Иванъ Петр. Корниловъ писалъ къ нему отъ 29 декабря 1867 г.: „Очень радъ, многоуважаемый Я. О., что служебная дѣятельность сблизитъ насъ. Я увѣренъ, что ваше имя, ваше присутствіе въ сѣверо-зап. край будетъ къ добру русскому дѣлу, прибавитъ силы намъ и скрѣпитъ живыя наши связи съ братьями славянами“.

Такимъ образомъ вопросъ объ опредѣленіи Я. Θ. въ Вильну былъ исчерпанъ. Въ началѣ 1868 г. Яковъ Θεодоровичъ былъ уже въ Вильнѣ и когда тогдашнія дѣла его устроились и австрійское правительство дало согласіе уволить его въ Россію, 31 іюля 1868 г. онъ {выполнилъ съ семействомъ присягу на русское подданство въ Виленской Николаевской церкви, а 7 сентября того же года присоединенъ съ семействомъ изъ униі къ православной церкви въ Виленскомъ кафедральномъ соборѣ, протоіереемъ Іоанномъ Борзаковскимъ, въ личномъ присутствіи, въ качествѣ свидѣтеля, помощника главнаго начальника сѣверо-западнаго края князя Петра Романовича Багратіона. Предварительно сего Я. Θ. сложилъ съ себя духовный санъ. Въ томъ же 1868 г. 11 октября Яковъ Θεодоровичъ, по представленію генераль-губернатора, какъ значится въ официальной перепискѣ, награжденъ былъ чиномъ статскаго совѣтника и зачтены ему въ дѣйствительную службу на пенсію годы его профессорской дѣятельности во Львовѣ съ 1848 по 1868 годъ, съ предоставленіемъ ему всѣхъ преимуществъ, присвоенныхъ ординарн. профессорамъ нашихъ университетовъ. Уже въ Вильнѣ въ 1869 г. онъ имѣлъ утѣшеніе получить нравственное и матеріальное (хотя въ малой степени) удовлетвореніе за испытанную несправедливость отъ намѣстника Галиціи гр. Голуховскаго. Австрійское министерство правосудія, рассмотрѣвъ и изслѣдовавъ жалобу Я. Θ. на незаконныя дѣйствія намѣстничества и взвѣсивъ его прежнія заслуги, признало Я. Θ-ча оправданнымъ отъ обвиненій въ дѣйствіяхъ противъ правительства и распорядилось выдать ему по должности профессора въ Львовскомъ университетѣ задержанное жалованье съ 1-го апрѣля 1867 г. по конецъ марта 1868 г., т. е. по день выѣзда его въ Россію,—447 флориновъ.

Послѣ того началась мирная, кропотливая и учопая дѣятельность Я. Θ. въ Вильнѣ; она у насъ на виду; плодомъ ея—до 15 томовъ печатныхъ древнихъ актовъ, издав-

ныхъ комиссіею подѣ его предѣдательствомъ; на нее было обращено Высочайшее вниманіе и покойный былъ възысканъ Монаршими щедротами. Но трудясь здѣсь, онъ не прерывалъ духовной связи съ Галицкою Русью. Онъ писалъ статьи и литературныя замѣтки о Галиціи въ различныхъ русскихъ газетахъ и журналахъ, не забывая и галицко-русской печати, куда онъ посылалъ свои цѣнныя статьи. Исчислить всѣ произведенія его пера въ настоящее время невозможно; онъ писалъ и печаталъ весьма много, — полныхъ 50 лѣтъ — въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ не только русскихъ и галицко-русскихъ, но также въ чешскихъ и нѣмецкихъ. Онъ издалъ въ Галиціи одну изъ лучшихъ грамматикъ галицко-русскаго нарѣчія; издалъ 4-хъ томное собраніе пѣсень, пословицъ и др. галицко-русскаго народа, украшенное типичными рисунками тамошнихъ жителей; составилъ географическій словарь населенія славянскаго племени, и много брошюръ и статей по исторіи археологіи, этнографіи, языковѣденію, богословію и географіи *).

*) Перечисляемъ не въ хронологическомъ впрочемъ порядкѣ, на сколько намъ извѣстны, слѣдующія болѣе выдающіяся сочиненія Я. О. Головацкаго:

1) Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 4 т. Москва. 1878 г. Съ историко-этнографическимъ и статистическо-географическимъ очеркомъ страны и множествомъ рисунковъ изъ быта тамошнихъ жителей. Изданіе очень цѣнное.

2) Географическій Словарь западно и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ, съ географической картой 1884 года. Вильна. Трудъ весьма кропотливый.

3) Библиографическія находки во Львовѣ. СПБ. 1873 г.

4) О народной одеждѣ и убранствѣ Руссиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверо-восточной Венгріи. СПБ. 1877 г. Съ 5 картинками.

5) Попытки и старанія римской куріи ввести грегорианскій календарь у славянъ православныхъ и униатовъ. СПБ. 1878 года.

Я. О. много уже лѣтъ состоялъ членомъ нашего братства, а въ послѣдніе годы былъ въ составѣ совѣта братства, принимая участіе въ его занятіяхъ и въ обсужденіи предпринимаемыхъ мѣръ къ разширенію дѣятельности православныхъ и русскихъ началъ въ краѣ. Свое имя онъ навсегда связалъ съ существованіемъ братства тѣмъ, что внесъ въ пользу онаго денежный вкладъ, проценты съ котораго навсегда должны быть членскимъ взносомъ его имени. Этимъ

6) Карпатская Русь. 1875 г. СПб.

7) Дополненія и замѣтки къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы за 1885 и 1886 годы. Вильна. 1888 г.

8) Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ по актамъ XVI в. Вильна. 1888 г.

9) Хрестоматія церковно-словенская и древне-русская для употребленія въ высшихъ школахъ Галиційскихъ гимназій. 1854 г.

10) Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій ручной словарь. 1861 года.

11) Монастыри юго-западной Россіи вообще и Креховскій монастырь. 1885 г. СПб.

12) Хронологическая роспись (1463—1863) вписанныхъ братьевъ прежде братства Львовскаго Успенія Пр. Богородицы, нынѣ же института Ставропигійскаго. Львовъ 1863 г. Временникъ 1 к.

13) Корреспонденція между папою Климентомъ VIII и кн. Константиномъ Острожскимъ. Львовъ 1865 г. Временникъ 2 к.

14) Львовское братство и кн. Острожскій. Львовъ 1867 г. Временникъ 5 к.

15) Грамматика русскаго языка 1849 г. Львовъ.

16) Три вступительныя лекціи о русской словесности. Львовъ. 1849 г.

17) Росправа о языкѣ южно-русскомъ. Львовъ. 1849 г.

18) Историческій очеркъ основанія галицко-русской Матицы. 1850 г. Львовъ.

дѣйствіемъ онъ выразилъ сколько свою увѣренность въ будущность и процвѣтаніе нашего братства, столько же свою послѣдовательность традиціямъ галицко-рускимъ, гдѣ общественныя, русско-церковныя и образовательныя учрежденія, главнымъ образомъ зиждутся не на случайныхъ взносахъ, а на капитализованныхъ вкладахъ ихъ членовъ. Да будетъ же вѣчная память приспомятому труженнику-патріоту и братчику Виленскаго Свято-Духовскаго Братства и члену нашего Братскаго Совѣта Якову Ѳеодоровичу Головацкому.

Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

19) Пережитое и перестраданное. Львовъ. 1885—1886 г. (Литературный сборникъ).

20) Путешествіе по Галицкой и Угорьской Руси. Прага 1842 г. на чешскомъ языкѣ. (Часописъ Чешскаго музея).

21) Вѣнокъ Русиnamъ на обжинки. 2 т. Вѣна 1846 г.

22) О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русинъ въ Галиціи со времени австрійскаго владычества 1865. Львовъ. (Науковый Сборникъ).

23) Памятники дипломатическаго и судебна-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ Галицко-Володимірскомъ княжествѣ со второй половины XIV в. Львовъ 1865 г. (Науковый Сборникъ III). 1866 г. I.

24) Нѣсколько словъ о библіи Скорины и о рукописной русской библіи, обрѣтающейся въ библіотекѣ мон. св. Онуфрія во Львовѣ.—(VI).

25) Науковое путешествие по Россіи I. Колоржа. Львовъ. 1866 г.

26) Ueber die Zustände der Russien in Galizien. Прага. 1847 г. (Поляки и нѣмцы употребляли всѣ усилія уничтожить эту брошюру).

27) Русалка Днѣстрова. Львовъ. 1840 г.

28) Галичанинъ, литературный сборникъ изд. Я. Ѳ. Головацкимъ и Дѣдицкимъ 1862—3 г.

И много другихъ ученыхъ статей и замѣтокъ въ разныхъ изданіяхъ, а равно переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій гражданскихъ и др. законовъ Австрійской имперіи съ выработкой для сего точной терминологіи.

Добавленіе къ стр. 32-й.

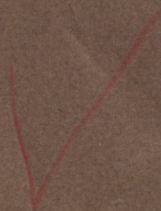
Въ нашемъ сообщеніи о переходѣ Я. О. Головацкаго на службу въ Вильну сказано, что онъ *по представленію генераль-губернатора* награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Оказывается, что это было не такъ. Мы получили несомѣнныя данныя о томъ, что въ первые мѣсяцы жизни Я. О. въ Вильнѣ ставился серіозно вопросъ быть или не быть ему въ Вильнѣ, окончившійся для Я. О. благополучно, благодаря настойчивому заступничеству за него б. попечителя учебнаго округа П. Н. Батюшкова.

Генераль-губернаторъ Потаповъ во время управленія Виленскимъ краемъ будучи расположенъ къ полякамъ и ксендзамъ, заставъ въ Вильнѣ Головацкаго, рѣшилъ выжить его, какъ выжилъ другихъ русскихъ дѣятелей, и, придравшись къ тому, что онъ *uniatъ*, якобы вредный для православія, поручилъ попечителю учебнаго округа, которому былъ подчиненъ Головацкій, представить послѣдняго къ увольненію. Но постъ попечителя занималъ извѣстный русскій дѣятель П. Н. Батюшковъ, который немогъ не возмутиться, видя въ такомъ распоряженіи вліяніе польской аристократической партіи, въ угоду которой дѣйствовалъ Потаповъ, и вмѣсто представленія Головацкаго къ увольненію, формально засвидѣтельствовалъ предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о заслугахъ его на пользу русскаго дѣла и о необходимости оказанія поддержки человѣку, много претерпѣвшему въ Галиціи и избравшему отечествомъ своимъ Россію; причѣмъ попечитель ходатайствовалъ о производствѣ Головацкаго въ чинъ статскаго совѣтника, соотвѣтствующій V классу занимаемой имъ должности. Къ тому времени Головацкій уже принялъ православіе и такимъ образомъ поводъ, избранный Потаповымъ для удаленія его изъ Вильны, уже не существовалъ. Представленіе это было доложено министромъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, и вполнѣ уважено, вслѣдствіе чего положеніе Головацкаго въ Вильнѣ упрочилось на столько, что онъ пробылъ въ ней до послѣднихъ дней своей жизни, обогащая русскую науку и литературу своими многополезными трудами по исторіи и этнографіи.

Бел. архив
1994 г.

1964-5

Бел. аддзён
Дўтамат.

80000002598382